

Художественные образы и средства их лексического отображения в лирике А. Мишариной и Э. Симдяновой

С. Н. Стёпин

*Мордовский государственный педагогический
институт им. М. Е. Евсевьева,
г. Саранск, Российская Федерация,
stepin.73@mail.ru*

Т. И. Мочалова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
mochalova2014@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Анализ поэтического языка – одно из актуальных направлений изучения литературного текста, поскольку такой подход позволяет исследовать его сквозь призму языка, осознать единство и взаимовлияние формы и содержания, проследить формирование ассоциативных образов-символов в женской поэзии. В создании сквозных художественных образов в лирике коми поэтессы А. Мишариной и мордовской поэтессы Э. Симдяновой огромную роль играют лексические средства, позволяющие передать читателю авторское восприятие жизни, ощущение себя в мире, способность чувствовать жизненный ритм. Лексические единицы, передающие авторский взгляд на всё сущее, выполняют в стихотворениях не только изобразительную, но и композиционно-стилистическую функции, являясь ключевыми словами, связывающими произведение в единое смысловое и стилистическое целое.

Цель: рассмотреть в сравнительно-сопоставительном плане сквозные художественные образы и средства их лексического отображения в лирике А. Мишариной и Э. Симдяновой.

Материалы исследования: лирические произведения А. Мишариной и Э. Симдяновой.

Результаты и научная новизна. Анализ лирики А. Мишариной и Э. Симдяновой позволяет сделать вывод о том, что в формировании сквозных художественных образов в лирике А. Мишариной и Э. Симдяновой огромную роль играют лексические средства, позволяющие передать читателю авторское восприятие жизни, ощущение себя в мире, способность чувствовать его жизненный ритм.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые затронута проблема формирования и эволюции сквозных художественных образов и средств их лексического отображения в лирике А. Мишариной и Э. Симдяновой.

Ключевые слова: художественные образы, лексические средства, художественная изобразительность, языковой колорит, лирика, образная система, стихотворение.

Для цитирования: Степин С. Н., Мочалова Т. И. Художественные образы и средства их лексического отображения в лирике А. Мишариной и Э. Симдяновой // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 80–89.

Artistic images and means of their lexical representation in the lyrics by A. Misharina and E. Simdyanova

S. N. Stepin

*Mordovian State Pedagogical Institute,
Saransk, Russian Federation,
stepin.73@mail.ru*

T. I. Mochalova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
mochalova2014@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: the analysis of poetic language is one of the topical directions in study of a literary text, because such approach allows studying it through the prism of language, to perceive the unity and interrelation of form and content, to study the formation of associative images and symbols in women's poetry. In creation of cross artistic images in the lyric poetry of the Komi poet A. Misharina and the Mordovian poet E. Simdyanova lexical tools play a huge role, allowing conveying to a reader the author's perception of life, sense of themselves in the world, and the ability to feel the rhythm of life. Lexical units that convey the author's view of all things perform not only pictorial, but also compositional and stylistic functions in poems, being key words that link the work into a single semantic and stylistic whole.

Objective: to consider in comparative perspective the specificity of use of lexical means creating artistic vividness in modern women's poetry.

Research materials: the lyrical poems by A. Misharina and E. Simdyanova.

Results and novelty of the research: analysis of the lyrics by A. Misharina and E. Simdyanova allows us to conclude that lexicon plays a huge role in the formation of cross artistic images in the lyrics by A. Misharina and E. Simdyanova, which allow conveying to a reader the author's perception of life, sense of themselves in the world, and the ability to feel the rhythm of life.

The scientific novelty of the study lies in the fact that it first addresses the problem of the formation and evolution of cross artistic images and means of their lexical representation in the lyrics by A. Misharina and E. Simdyanova.

Key words: artistic images, lexical items, artistic expressiveness, linguistic richness, lyric poetry, imagery, poem.

For citation: Stepin S. N., Mochalova T.I. Artistic images and means of their lexical representation in the lyrics by A. Misharina and E. Simdyanova // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (1): 80–89.

Введение

В современных филологических исследованиях наблюдается активное обращение к изучению языка поэтических произведений, который функционирует во времени как в форме совокупности черт, присущих общепозитическому языку конкретной культурно-исторической эпохи, так и в форме поэтических идиолектов. Анализ поэтического языка осуществляется в русле лингвистической поэтики, которая занимается «рассмотрением поэтических произведений сквозь призму языка и изучающей доминантную в поэзии функцию» [24, 81]. Основные вопросы теории поэтической речи, обоснование целей и задач, методологии поэтической лингвистики, выявления особенностей функционирования языковых единиц в художественном произведении успешно разрабатываются в работах как отечественных учёных [1; 2; 3; 8; 9; 11; 12; 18; 20; 23 и др.], так и зарубежных исследователей [25; 26; 27; 28; 29 и др.].

Наукой о художественной литературе неоднократно доказано, что лишь подлинному искусству под силу в полной мере представить картину бытия, причём сделать это сквозь призму духовных и эстетических составляющих. Особую роль при этом играют языковые средства, выполняющие эстетическую функцию и

служащие средством создания образности. Как отмечает Н. О. Гучинская, язык художественной литературы отличает «образность (изобразительность) художественной речи, то есть та новая материальная среда, которая рождается из слова и которая слово превращает в образ» [6, 5]. В связи с этим актуальным представляется сопоставительный анализ лексических средств изобразительности, используемых в женской поэзии одного культурно-исторического периода.

Поэтические произведения А. Мишариной и Э. Симдяновой неоднократно становились предметом научных изысканий, при этом исследователи обращались, прежде всего, к осмыслению основных тем и мотивов их творчества, анализу системы образов. Так, опыт научных исследований художественной изобразительности произведений А. Мишариной [7; 10; 13; 14 и др.] показывает, что её стихи интимно нежны, но при этом призывают к размышлению; лирические зарисовки всегда неминуемо связаны с поэтическим космосом самой поэтессы. В них наблюдается стремление автора максимально возвеличить общественные ценности, непреодолимое желание самой участвовать в процессе жизнестановления. А. В. Малева справедливо утверждает, что творческая эволюция А. Мишариной «выражается в расширении диапазона объектов поэтического осмысления,

в семантическом насыщении лирических образов, трансформации цветовой гаммы, а также усилении личностного начала стихотворений» [14, 88]. Говоря о своеобразии лирики коми поэтессы, необходимо заметить, что она глубоко философична. В ней наиболее эмоционально выразилось лирическое «Я», в какой-то степени оторванной от окружающей её жизни, поэтому не удивительно, что мотивом многих её стихов стал мотив непонимания и одиночества. Поэтесса словно торопится жить, писать, прежняя гармония в её отношениях с миром оказывается на грани разрушения.

Творческий облик Э. Симдяновой не менее многогранен. Истоки этого мы видим в её яркой индивидуальности. Мордовскими литературоведами неоднократно подмечено, что лирическая поэзия Э. Симдяновой мелодична и напевна, при этом в ней весьма ощутимо стремление автора к медитативности и суггестивности [4; 16; 17; 21; 22 и др.]. Её излюбленный образ – вселенское светило, которое выступает в качестве символа всей Вселенной, с которой поэтесса связывает судьбу каждого из живущих на земле. Кроме того, С. П. Гудкова отмечает проявление в творчестве поэтов Мордовии, в том числе Э. Симдяновой, национальных мордовских мотивов: «Доказательным является тот факт, что многочисленные и разноплановые следы мордовского влияния выступают в их творчестве не случайными экзотическими вкраплениями, а целостной системой приёмов, направленных на обеспечение органичного существования в русской событийно-языковой художественной стихии национально-мордовского героя» [5, 22–23].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили лирические произведения разных лет А. Мишариной [15] и Э. Симдяновой [19]. В основу методики исследования положены принципы сравнительно-сопоставительного анализа лексических средств художественной изобразительности в сочетании с описательным, историко-литературным и типологическим методами.

Результаты

Стихотворения о человеке, природе, медитации на тему Времени и Пространства, превалирующие в творчестве многих художников слова,

занимают значительное место в лирике коми поэтессы А. Мишариной и Э. Симдяновой, творчество которой представляет «русское крыло» в мордовской литературе. Многие темы и мотивы их поэтического творчества тесно перекликаются между собой, создают неповторимое художественно-эстетическое единство, во многом объясняемое их особым авторским мировидением.

В творчестве поэтесс прослеживается единение с миром природы, важную роль при этом играет фитонимическая лексика, связанная с номинацией леса, деревьев и т. п. Поклонение лесу, дереву как источникам силы, мудрости, изобилия издревле было свойственно человеку, поэтому не случайны эти образы в лирике Э. Симдяновой: «...среди раздолья девственных лесов на исцеленье душу в лес нести...» [19, 15] или «...живой водой меня поит родник, озвучивает лес живую речь...» [19, 15]. У А. Мишариной размышления о родном крае также сопряжены с образами природы, используемые эпитеты не менее образны, содержат оценку изображаемых явлений и предметов: «Коми земля моя с короткими летами, / Но и она с чистыми соснами. / Коми земля моя с сильными морозами, / Но и она с красивыми елями...» [15, 34] или «Острой болью отзывается. / И белоногие красивые берёзки, / И ромашковый лес, и луга...» [15, 34].

Многочисленны и разнообразны изображения деревьев в идиолекте Э. Симдяновой. С помощью переносного значения слова, лежащего в основе таких тропов, как олицетворение, метафора, эпитет, в лирике Э. Симдяновой деревья изображаются как живые существа, подобные человеку, часто они предстают в каком-либо одеянии, бережно укрываются женским головным убором: «...и деревья по тихому Болдину словно затканы все в парчу» [19, 34], «...платок твой пуховый у ёлки так пригоже лежит на плечах» [19, 12], «Только иногда берёзка вскинет за забором зеленью платка» [19, 20], «...и в ризе старинной берёза по отчему краю идёт» [19, 24]. Заметим, что берёза – излюбленный образ поэтессы, выступающий как символ России, девичьей чистоты и красоты, при этом дерево наделяется способностью источать свет, с ним связываются светлые, радостные мысли и ощущения: «свечи берёз за окошками по небу звёзды зажгли» [19, 33], «...в лучах сентября берёзы всегда, как лучины, на многие лета горят» [19, 36]. Иное эмоциональное состояние связано с образами других деревьев: «Стоит ветла, как древняя

старуха, высокая, седая, как века» [19, 35], «Лишь в омуте зябком осины, во взгляде колючем сосны» [19, 53].

Анализируя лирику А. Мишариной, мы заметили, что некоторым образам поэтесса отдаёт особое предпочтение. Одним из них является образ солнца, активно входящий в контекстно-дискурсную группу. Это достаточно традиционный объект воспевания многих представителей самых различных национальностей и культур. В русской женской лирической поэзии он получил воплощение в лирике А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Ахмадуллиной и др. В коми поэзии, кроме А. Мишариной, к нему в разные годы обращались Н. Обрезкова, Г. Бутырева, А. Ельцова и др., но именно у А. Мишариной солнце стало источником вселенского света, веры – «С утренним солнцем рождается вера...», с ним поэтесса сравнивает образ любимого человека. В стихотворении «Мой солнцеликий» она использует союзное сравнение: «Когда солнце восходит из-за туч, / У него лицо точь-в-точь как у тебя...» [15].

Подобный мишаринской художественной системе образ мы встречаем и в лирике Э. Симдяновой. Например, обращение к солнцу проходит через многие её произведения: «Летний день», «Моя родина», «С утра горит рассвет», «Уже в июль скатилось лето...» и др. Кроме того, в своей лирике поэтесса старается отталкиваться от древних мифологических образов, используя антономазию, поэтому образ солнца у неё нередко окрашен тёплым чувством любви к родному мордовскому краю. Для неё также характерно обращение к мотиву памяти, воспоминаниям о предках, родных могилах: «Поминаю вас, бабки, когда дождь колесит...» [19, 16], «Поклонюсь старине, что живёт наравне с космодромом...» [19, 17]. В лирических произведениях двух поэтесс присутствуют женские образы, с особой теплотой и нежностью обращаются они к маме. «Никто не заменит твою любовь, мама / Как тебе, никому так не нужна...» – пишет А. Мишарина [15, 26]; «“Мама, мама!” – зову почему-то, видно, мама поможет всегда...» [19, 31], – восклицает Э. Симдянова.

Индивидуальное авторское мироощущение А. Мишарина отразила в целом ряде стихотворений, в которых пытается передать самые сокровенные мысли, чувства, переживания, применяя при этом разнообразные лексические средства образности. А. В. Малева в этой связи замечает: «Безоблачность в восприятии мира

лирической героиней А. Мишариной постепенно сменяется некоторым разочарованием, анализом социально-исторических, экологических, метафизических, морально-нравственных проблем» [13, 52]. Она стоит перед решением «вечных» вопросов: смысла человеческой жизни, своего предназначения на земле, правильности построения отношений с обществом и природой и т. п.

Лирика А. Мишариной подчёркнуто интонационно своеобразна. Стихи коми поэтессы по-женски чувственны, рождены сиюминутным порывом, изобилуют риторическими обращениями: «Здравствуй, весёлая весна! / Здравствуй, небо! / Здравствуй, яркое солнце! / Здравствуй, пробуждающийся лес!» [15, 11]. И в то же время она ведёт непринуждённый разговор с читателем, наглядно раскрывая и поясняя ту или иную ситуацию, что находит выражение в сложносочинённых и сложноподчинённых конструкциях с использованием всех членов предложения, активном использовании контекстуальных антонимов: «Я не верила, что я полностью, умерев, исчезну, / Когда-нибудь потом войду в сырую землю. / Знала, конечно, что человек когда-нибудь умирает. / Довольно частенько смерть приходила в дом мой. / Но я верила – душа моя перейдёт к другому...» [15, 51].

О близости творческой манеры двух поэтесс свидетельствует их частое обращение к философским размышлениям. Размышления на «вечные» темы, попытка объединить их с мотивом родины, характерны для лирики А. Мишариной. В её стихах, наряду со вселенскими категориями, нередко представлены образы простых сельских жителей. Анализ поэтического творчества А. Мишариной приводит нас к выводу о том, что многие представленные автором образы тесно связаны с мотивом исторической судьбы не только её земляков, но и народов всей России. Образы, мотивы, темы мишаринской лирики, тесно переплетённые между собой, образуют то самое единство, в котором отразилась вся широта человеческой души. При этом стихотворения автора беспрестанно призывают читателя к размышлению на «вечные» темы. Ёмкая философская мысль, содержащаяся в произведениях коми поэтессы, художественно отображает всё происходящее вокруг неё. Это, прежде всего, мысли о человеке, народе, его жизни и историческом опыте, поэтому не иссякает стремление автора проникать в глубины народной жизни.

Неугасаемый интерес к родному краю, судьбам своих земляков проявляется и в стихотворениях Э. Симдяновой, что наглядно демонстрируют используемые поэтессой лексические средства. В родной земле, в единении с природой черпает лирическая героиня силы, мудрость и душевный покой: «Прильну к стволу, где бьётся жизни вечность, / пробившая сквозь седую землю, и пью глоток, что мне дарует встреча: / и тишину и синь в себя приемлю» [19, 57], «И раны, и давнишние и свежие, / мне исцеляет бережно и розово Россия – чистота нетленно-снежная, / Россия – тишина моя берёзовая» [19, 57].

Отдаляясь от ненавистой жизненной суеты, лирическая героиня Э. Симдяновой живёт в самой же ей выдуманном мире. Поэтесса заявляет: «Живу, объята сном, ни в настоящем, ни в прошедшем, ни в будущем – в ином, в ином...» [19, 72]. В этом «ином», как нам кажется, и состоит суть поэтического измерения Э. Симдяновой, которое она характеризует как «четвёртое время», в котором поэтесса пытается по-своему осмыслить нравственную, морально-эстетическую сущность устремлений своего поколения. Но подобное дистанцирование от реальности происходит отнюдь не искусственно, лирическая героиня Э. Симдяновой искренна в своём чувстве непонимания и неприятия чуждых ей от природы лжи, жестокости и коварства окружающих её людей. При этом её, казалось бы, хрупкий и ранимый внутренний мир не сломлен твёрдым противостоянием с жестокой жизненной реальностью. Более того, она «выходит из него победителем, тем самым подчёркивая жизнеутверждающее начало, живущее в её лирической героине...» [4, 39].

Несколько иную картину мы видим у А. Мишариной. Особенность её лирики заключается в том, что жизненный источник вдохновения её лирическая героиня видит в утверждении в качестве магистрального принципа диалектического устройства мира. Следование коми поэтессой данному принципу позволяет назвать её тягу к самым различным абстрактно-пространственным рассуждениям, стремление познать и по-своему осмыслить всё непознанное и неведанное, готовность душевно и мыслительно открыться миру – индивидуальными чертами лирической героини А. Мишариной. Но если в лирике 1980-х годов всё это было возможно благодаря мастерскому поэтическому конструированию коми поэтессой окружающей её

объективной реальности, художественному воссозданию закономерно-объективных событий, то в стихотворениях рубежа XX–XXI вв. читатель видит всё более усиливающиеся личностные мотивы, воплощающие в себе многогранность внутреннего мира лирической героини. Объяснением этому служит радикальное переосмысление многих ранее утверждённых жизненных ценностей, крушение основ её бывшего миропонимания.

Обе поэтессы охотно прибегают к использованию самых различных приёмов письма и употреблению лексических и синтаксических средств выразительности, но никогда при этом не абстрагируются от предметной реальности, а выходят на новый уровень художественной изобразительности, в пределах своих лирических произведений концентрируют действие, наслаивают на него диалоги с оппонентами, монологи-обращения ко времени, к людям, к их внутреннему миру. У А. Мишариной, например, это подтверждается мыслью о том, что душа человека тесно связана с образом солнца, которое способно внимательно следить за каждым мигмом его жизни. Все художественно изображённые автором явления с эстетической точки зрения показывают единство и гармонию между человеком и природой, поэтому вызывают неподдельные чувства.

Многие стихи Э. Симдяновой проникнуты искренней любовью к людям. Поэтесса уверена, что нельзя различать боли в своём сердце и сердцах близких. Её личность гармонично вливается в судьбу родины, а метания по разным уголкам страны очерчивают и ширь российских просторов, и контуры души создавшего её мордовского народа. Национальный колорит лирики Э. Симдяновой проявляется и в искусном переплетении нейтральной, разговорной и просторечной лексики: «...и покамест жива моя Родина, и пока я живу – ты жива» [19, 12] и др. Использование диалектных слов в поэтических произведениях отражает особенности живой народной речи, воссоздаёт национальный колорит, придаёт ее стихотворениям свежесть, лиризм и образную яркость: «А это, – она говорила, – чалдонам и варнакам» [19, 10], «...и кринка пустая стояла» [19, 10], «...и прославленный хиус на лапах пробегает за нашим селом» [19, 12], «... меж румяных шанег и жёлтых цыплят» [19, 16], «Постой, говорю, баское личико, на ножку твою расшитые ичиги» [19, 48]. В приведённых

произведениях употреблены диалектизмы, которые номинируют различные реалии, окружающие сельского жителя: *чалдон* – «название коренных русских в Сибири и их потомков», *варнак* – «каторжанин, беглый каторжник», *кринка* – «глиняный горшок для молока», *хиус* – «в Сибири резкий, холодный, зимний ветер», *шаньга* – «хлебобулочное изделие из пресного или дрожжевого теста», *баский* – «красивый», *ичиги* – «лёгкие сапоги с мягким носком» и др.

Одним из средств художественной изобразительности Э. Симдяновой является также лексический повтор слов или фраз, на которых акцентируется внимание: «Уж заждалась я, скоро ль, скоро ль закроется за годом дверь...» [19, 45], «Я тебя не ждала, не ждала ниоткуда...» [19, 59], «Поздно, поздно отныне на что-то пенять...» [19, 60] и т. п.

В лирике А. Мишариной и Э. Симдяновой активно употребляется колористическая лексика, при этом цветообозначения могут быть закреплены за конкретными эмоциональными состояниями лирической героини. Необходимо отметить, что с течением времени цветовая палитра может трансформироваться. В лирике А. Мишариной с годами заметно меняется цветовая гамма: если в раннем творчестве модель устройства мира вполне упорядочена, пронизана яркими красками и цветами, а в стихах изобилуют золотые, небесно-голубые, белые цвета (стихотворения «Пусть будет небо голубым...», «Северный цветок», «Белые берёзы» и др.), то с годами более частым способом философской медитации для автора становятся размышления, рефлексия на окружающий мир, состоящий из страстей, пороков и проблем. Мир лирической героини А. Мишариной тускнеет и бледнеет. А. В. Малева, анализируя особенности поэтики А. Мишариной, отмечает эволюционные метаморфозы цветовой гаммы стихотворений, появление в более поздних произведениях, например в стихотворении «Горттом пон» («Бездомная собака»), образа вечера, ночи и бессонницы: «В ранней лирике поэтессы зимний пейзаж был сказочно обворожителен – сейчас же от него веет холодом и темнотой; если ранее любое время года было привлекательно для героини, то теперь она ждёт весну как начало перемен» [14, 86].

Разнообразна колористическая палитра Э. Симдяновой, при этом цвет непосредственно связан с мировосприятием, с оценкой обозначаемого предмета или явления действительности.

Светом, белизной, сиянием, чистотой наполнено всё, что дорого лирической героине, связано с родиной, близкими людьми. Сквозным образом её поэзии становится образ света, идущий от сияния берёз, любимых глаз, солнечных лучей, поэтому не случайно употребление существительного свет и производных от него, прилагательного белый: «...Мама, ты над моим изголовьем в час лихой проливаешь мне свет» [19, 11], «... это ты, моя мама, наверно, светишь правдой и чистотой!» [19, 11], «Сеешь даль эта в листья опавшие удивительный розовый свет...» [19, 35], «И жизнь, и землю, и природу тепло он называет белым светом» [19, 63].

Зимние зарисовки, снег, его серебряное сияние также ассоциируются с чистотой, ясностью, правдой жизни: «Весь белый свет и верит без ума, что снежности рождение – прекрасно, что нам приносит белая зима и нежность, и уверенность и ясность» [19, 63], «Зима чиста, как детство лучших дней, сияющая сразу у порога» [19, 63]. Цвет седины – символ многовекового опыта, мудрости народа, олицетворение водной и земной стихий, поэтому образное определение «седой» сочетается с существительными, обозначающими эти понятия: «матушки Волги седой», «из старины седой», «сквозь седую землю» и другие.

Тёмные цвета, в том числе синий, серый, фиолетовый, связаны с передачей печали, грусти, пессимистического настроения: «И всё темнее жить в потёмках и сознавать свою беду» [19, 45], «без синих морозов и вьюг» [19, 24], «А небо, как мокрая серая птица, нахохлившись, зло распростёрла крыла» [19, 42], «Их верх до того фиолетов – как будто печалью оброс» [19, 61], «... забыть этих слёз фиолетовых и жить я легко не могу» [19, 62].

Память лирической героини хранит огромное разнообразие запахов. Это и запах парного молока из стихотворения «Рыжонка», и аромат цветочного чая в «молодых стогах», и горький привкус дыма «...над зелёной и гулкой землёй...». Э. Симдянова восторгается запахом душистого домашнего хлеба, который на всю жизнь стал для неё символом уюта и душевного покоя: «И пропитана улица запахом – тёплым хлебом и лёгким дымком...» [19, 12]. В лирике более позднего периода картина меняется, появляются иные запахи. На смену юношеской восторженности приходит критическое восприятие окружающего мира, в стихах отчётливо

прослеживается мотив осознания «горького вкуса забвенья» и запаха «колющих полынных ветров...». В этом проявляется мотив не столько отчуждённости лирической героини от шумной действительности, сколько однозначное и бесповоротное противопоставление своей точки зрения коллективной позиции времени.

Обсуждение и заключение

Как показало проведённое исследование, излюбленной проблематикой коми и мордовской поэтесс стало философское осмысление жизни, поэтому не случайно, что в их лирике достойное место занимают стихи-размышления, в которых авторы стремятся углубить мыслью в суть самих явлений, природу вещей, миропорядок. В создании «вечных» образов огромную роль играет лексика, передающая читателю авторское восприятие их ощущения себя в мире, способность чувствовать жизненный ритм. Лексические единицы, выражающие авторский взгляд на всё сущее, выполняют в стихотворениях не только изобразительную, но и композиционно-стилистическую функции, являясь ключевыми словами, связывающими произведение в единое смысловое и стилистическое целое. Именно они во многом обусловили содержание большинства лирических произведений.

Своеобразие лексики А. Мишариной и Э. Симдяновой проявляется в органической слитности характеров их лирических героинь с народной средой, их взволнованности и глубинных переживаний о судьбе Родины, что воплощается посредством использования разноплановой, в том числе стилистически окрашенной лексики. При этом заметим, что лирика А. Мишариной более оптимистична, утверждает ценность жизни на земле в её лучших проявлениях. Отобразив своё авторское мироощущение, поэтесса соотносит свой индивидуальный способ видения мира с традиционным художественным осмыслением бытия, находит общие творческие подходы, прибегает к единству целей художников слова различных культурно-исторических эпох.

Напряжённые раздумья о судьбах мира, о проблемах морально-этического плана – наиболее характерные мотивы в лирике Э. Симдяновой. Её лирика «заставляет читателя задуматься о том, что современный мир полон

катаклизмов, общество находится на грани тотального разрушения, гибнут духовные и культурные ценности» [4]. Философизм её поэзии проявляется на уровне художественного воплощения нравственной проблематики и обусловлен такими доминантными чертами её творческой манеры как противоречивость, реализующаяся на идейно-смысловом уровне лирического произведения. Противоречивым становится и сам образ её лирической героини. А отсюда – самые противоречивые эмоциональные состояния, резкие синтаксические скачки, отсутствие семантического взаимодействия между отдельными частями строфы и строфами в целом.

Динамика жизни, изменение мировосприятия и мироощущений отчётливо проявляется в используемом поэтессами лексическом корпусе. Восприятие мира в поэзии А. Мишариной вполне созвучно лирике Э. Симдяновой, лирическая героиня которой живёт в мире не только цвета и света, но и запахов, звуков. Так, движение жизни в лирике обеих поэтесс отражается в изменении «цветовых», «световых» и «запаховых» восприятий лирических героинь: от светлых, юношески восторженных, «пьянящих» и «цвет зари напоминающих...», до «темноты городов», «сумрака аллей» и привкуса «серой пены злой молвы...». Мастерски используя лексические средства художественной изобразительности, поэтессы сумели выразить через собственные страдания и равнодушие боль души современного человека, попытались передать общечеловеческое через личное. Поэтому вполне закономерно, что в представленной поэтессами модели мироустройства особую смысловую нагрузку несёт мир человеческих чувствований и переживаний, выраженный в поэтическом тексте в слове.

Из вышеизложенного следует, что в формировании художественных образов в лирике А. Мишариной и Э. Симдяновой огромную роль играют лексические средства, позволяющие передать читателю авторское восприятие жизни, ощущение себя в мире, способность чувствовать жизненный ритм. Лексические единицы, передающие авторский взгляд на всё сущее, выполняют в стихотворениях не только изобразительную, но и композиционно-стилистическую функции, являясь ключевыми словами, связывающими произведение в единое смысловое и стилистическое целое.

Список источников и литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. литература, 1975. 502 с.
2. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.
3. Винокур Г. О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1970. 452 с.
4. Горбунов Г. И. Заметки о современной мордовской поэзии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 139 с.
5. Гудкова С. П. Основные тенденции развития современной русской поэзии Мордовии // Вестник угроведения. 2015. № 4. С. 22–32.
6. Гучинская Н. О. Стихотворная речь в стилевой системе художественной речи (на материале немецкой поэзии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 32 с.
7. Демин В. Н. Введение в теорию и историю коми поэзии. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. 304 с.
8. Жирмунский В. Н. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1977. 407 с.
9. Кожин А. Н. Язык художественной литературы как эстетически стимулируемая форма существования литературного языка // Структура и функционирование поэтического текста. Очерки лингвистической поэтики. М.: Наука, 1985. С. 10–37.
10. Латышова В. А. Женская лирика коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. 231 с.
11. Липгарт А. А. Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале англ. лит. 16–20 вв.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 656 с.
12. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
13. Малева А. В. Лирическая героиня современной коми женской поэзии: особенности семантики и поэтики образа: дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2014. 208 с.
14. Малева А. В. Поэзия ценности жизни и повседневности: некоторые аспекты поэтики Александры Мишариной // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Вып. 3. С. 77–89.
15. Мишарина А. П. Ты – моя родина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. 80 с.
16. Николаева Е. А. Ментальные смыслы женского литературно-художественного творчества в России. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. 172 с.
17. Николаева Е. А., Щанкина Ю. И. Натурфилософские мотивы женской поэзии Мордовии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12/2. С. 211–214.
18. Руберт И. Б., Тимралиева Ю. Г. Поэтический язык как объект лингвистических исследований // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 3. С. 95–100.
19. Симдянова Э. И. Красный день. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1976. 92 с.
20. Степанов Г. В. Язык. Литература. Поэтика. М.: Наука, 1988. 380 с.
21. Степин С. Н. Медитативная лирика как особый этап развития современной женской поэзии Мордовии // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 37 (252). Вып. 61. С. 132–136.
22. Степин С. Н. Национально-художественные особенности лирики в поэзии Мордовии 1970–80-х годов. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2013. 172 с.
23. Хвостунова Т. И. Функционирование глагольно-междометных форм в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2000. 18 с.
24. Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 461 с.
25. Admoni W. Zu den Wechselbeziehungen zwischen Sprach- und Literaturwissenschaft // Studia Neophilologica. 1981. Vol. 2. S. 211–215.
26. Benn G. Probleme der Lyrik // Theorie der Lyrik. Stuttgart: Philipp Reclam, 1992. S. 65–69.
27. Lachmann R. Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. 554 p.
28. René Wellek and Austin Warren. Theory of literature. New York: Penguin Books. 1956. 384 p.
29. Riesel E. Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation. Moskau: Vysshaya shkola Publ., 1974. 184 p.

References

1. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Issues of literature and aesthetics: Researches of various years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 502 p. (In Russian)
2. Vinogradov V. V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 255 p. (In Russian)

3. Vinokur G. O. *Filologicheskie issledovaniya: lingvistika i poetika* [Philological research: linguistics and poetics]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 452 p. (In Russian)
4. Gorbunov G. I. *Zametki o sovremennoy mordovskoy poezii* [Notes about modern Mordovian poetry]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1981. p. 39. (In Russian)
5. Gudkova S. P. *Osnovnye tendentsii razvitiya sovremennoy russkoy poezii Mordovii* [Main trends of development of modern Russian poetry in Mordovia]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2015, no. 4, pp. 22–32. (In Russian)
6. Guchinskaya N. O. *Stikhotvornaya rech' v stilevoy sisteme khudozhestvennoy rechi (na materiale nemetskoy poezii)* [Poetic speech in the styles system of artistic speech (based on German poetry)]. Leningrad, 1984. 32 p. (In Russian)
7. Demin V. N. *Vvedenie v teoriyu i istoriyu komi poezii* [Introduction to theory and history of Komi poetry]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1995. 304 p. (In Russian)
8. Zhirmunskiy V. N. *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of literature. Poetics. Stylistics]. Moscow: Nauka Publ. Leningr. otd. Publ., 1977. 407 p. (In Russian)
9. Kozhin A. N. *Yazyk khudozhestvennoy literatury kak esteticheski stimuliruemaya forma sushchestvovaniya literaturnogo yazyka* [Language of artistic literature as aesthetically stimulated form of existence of literary language]. *Struktura i funktsionirovanie poeticheskogo teksta. Ocherki lingvisticheskoy poetiki* [Structure and functioning of poetic text. Essays on linguistic poetics]. Moscow: Nauka Publ., 1985. pp. 10–37. (In Russian)
10. Latyshova V. A. *Zhenskaya lirika komi* [Lyric poetry of Komi women]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 2005. 231 p. (In Russian)
11. Lipgart A. A. *Lingvopoeticheskoe issledovanie khudozhestvennogo teksta: teoriya i praktika (na materiale angl. lit. 16–20 vv.)* [Linguopoetic study of a literary text: theory and practice (based on English literature of XVI–XX centuries)]. Moscow, 1996. 656 p. (In Russian)
12. Lotman Yu. M. *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha* [Analysis of poetic text. Structure of a verse]. Leningrad: Prosveshcheniye Publ., 1972. 271 p. (In Russian)
13. Maleva A. V. *Liricheskaya geroinya sovremennoy komi zhenskoy poezii: osobennosti semantiki i poetiki obraza* [Lyrical heroine of modern Komi women's poetry: specifics of semantics and poetics of the image]. Syktyvkar, 2014. 208 p. (In Russian)
14. Maleva A. V. *Poeziya tsennosti zhizni i povsednevnosti: nekotorye aspekty poetiki Aleksandry Misharinoy* [Poetry of value of life and everyday life: some aspects of Alexandra Misharina's poetics]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2015, no. 3, pp. 77–89. (In Russian)
15. Misharina A. P. *Ty – moya rodina* [You is My Homeland]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1977. 80 p. (In Russian)
16. Nikolaeva E. A. *Mental'nye smysly zhenskogo literaturno-khudozhestvennogo tvorchestva v Rossii* [Mental meanings of women's literary and artistic creativity in Russia]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2005. 172 p. (In Russian)
17. Nikolaeva E. A., Shchankina Yu. I. *Naturfilosofskie motivy zhenskoy poezii Mordovii* [Natural philosophical motifs of women's poetry of Mordovia]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Socio-economic and Social Sciences], 2014, no. 12 (2), pp. 211–214. (In Russian)
18. Rubert I. B., Timralieva Yu. G. *Poeticheskii yazyk kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy* [Poetic language as the object of linguistic research]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saint-Petersburg State Economic University], 2017, no. 3, pp. 95–100. (In Russian)
19. Simdyanova E. I. *Krasnyy den'* [The Red Day]. Saransk: Mord. kn. izd-vo Publ., 1976. 92 p. (In Russian)
20. Stepanov G. V. *Yazyk. Literatura. Poetika* [Language. Literature. Poetics]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 380 p. (In Russian)
21. Stepin S. N. *Meditativnaya lirika kak osobyy etap razvitiya sovremennoy zhenskoy poezii Mordovii* [Meditative lyric poetry as the special phase in development of modern women's poetry of Mordovia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, no. 37 (61), pp. 132–136. (In Russian)
22. Stepin S. N. *Natsional'no-khudozhestvennye osobennosti liriki v poezii Mordovii 1970-80-kh godov* [National artistic aspects of the lyric poetry in Mordovia in 1970s and 1980s]. Saransk: Mordov. gos. ped. in-t Publ., 2013. 172 p. (In Russian)
23. Khvostunova T. I. *Funktsionirovanie glagol'no-mezhdometnykh form v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Functioning of verbal-interjection forms in the modern Russian literary language]. Nizhniy Novgorod, 2000. 18 p. (In Russian)

24. Jakobson R. *Raboty po poetike* [Writings on poetics]. Moscow: Progress Publ., 1987. 461 p. (In Russian)
25. Admoni W. Zu den Wechselbeziehungen zwischen Sprach- und Literaturwissenschaft. *Studia Neophilologica*, 1981, vol. 2, pp. 211–215. (In German)
26. Benn G. Probleme der Lyrik. *Theorie der Lyrik*. Stuttgart: Philipp Reclam, 1992. pp. 65–69. (In German)
27. Lachmann R. *Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. 554 p. (In German)
28. René Wellek and Austin Warren. *Theory of literature*. New York: Penguin Books. 1956. 384 p. (In English)
29. Riesel E. *Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation*. Moskau: Hochschule, 1974. 184 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Стёпин Сергей Николаевич, доцент кафедры литературы и методики обучения литературе, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» (430007, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11 А), кандидат филологических наук, доцент.

stepin.73@mail.ru

ORCID.ORG: 0000-0003-7704-6344

Мочалова Татьяна Ивановна, доцент кафедры русского языка, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат филологических наук, доцент.

mochalova2014@rambler.ru

ORCID.ORG: 0000-0003-1369-2985

ABOUT THE AUTHORS:

Stepin Sergey Nikolaevich, Associate Professor, Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsejev (430007, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Studencheskaya st., 11A), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

stepin.73@mail.ru

ORCID.ORG: 0000-0003-7704-6344

Mochalova Tatiana Ivanovna, Associate Professor, Department of the Russian Language, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Saransk, Russia, Republic of Mordovia, Bolshevistskaya st., 68/1), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

mochalova2014@rambler.ru

ORCID.ORG: 0000-0003-1369-2985

Подсистема огубленных гласных в сургутском диалекте хантыйского языка по акустическим данным

Т. В. Тимкин

*Институт филологии СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация,
ttimkin@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена экспериментально-акустическому исследованию шести огубленных гласных сургутского диалекта хантыйского языка: /ʊ:/, /ɔ:/, /o:/, /ɥ/, /ɔ/, /o/, описание которых в имеющихся источниках неоднозначно.

Цель: экспериментальное описание и сопоставление фонетических признаков огубленных гласных, записанных от носителей сургутского диалекта, проживающих на р. Лямин, Тромъеган, Ортъягун.

Материалы исследования: аудиозаписи, полученные от информантов и содержащие более 1100 отдельных произнесений слов с огубленными гласными. Они обработаны при помощи программ Praat и Emu-SDMS.

Результаты и научная новизна. Проанализированы качественные оттенки фонем, показана зависимость тембра гласного от консонантного окружения. Понижение частоты F2 характерно для позиции рядом с губными согласными; повышение – для позиции рядом со среднеязычными. При этом для долгих гласных более выражено левостороннее влияние, для кратких – двустороннее. Выделено несколько вариантов реализации подсистемы огубленных гласных сургутского диалекта, которые могут быть связаны с говорными различиями. Так, фонемы /ɔ/, /o:/ могут быть реализованы как средне-нижний огубленный гласный заднего ряда либо в более закрытом продвинутом вперёд варианте. При этом фонема /ɔ/ не представлена у информанта – носителя пимского говора. Фонема /ɥ/ реализуется как среднерядная, но у отдельных дикторов может иметь передние делябиализованные или заднерядные оттенки. Для ряда лексем предлагаются варианты оптимальной графической фиксации.

Новизна работы заключается в том, что впервые инструментальные акустические данные по огубленным гласным использованы для оценки позиционной вариативности и говорных особенностей сургутского вокализма.

Ключевые слова: хантыйский язык, сургутский диалект, экспериментальная фонетика, фонология, огубленные гласные, Praat, Emu-SDMS.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 19-012-00388 «Специфика звукового строя сургутского диалекта хантыйского языка»).

Для цитирования: Тимкин Т. В. Подсистема огубленных гласных в сургутском диалекте хантыйского языка по акустическим данным // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 90–99.

Subsystem of rounded vowels in the Surgut dialect of the Khanty language based on acoustic data

T. V. Timkin

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation,
ttimkin@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the paper deals with experimental acoustic research on six rounded vowels /ʊ:/, /ɔ:/, /o:/, /ɥ/, /ɔ/, /o/ in the Surgut dialect of the Khanty language, that have been described inconsistently.

Objective: to describe and compare phonetic features of rounded vowels recorded from the native speakers of the Surgut dialect of the Khanty living on Lyamin, Tromjegan and Ortjagun Rivers.

Research materials: the audio recordings by six native speakers including more than 1100 utterances with rounded vowels which were processed via Praat and Emu-SDMS software.

Results and novelty of the research: timbre shades of the phonemes are described. The results show dependence of F2 value on consonant context. Labial consonants cause F2 lowering of contact vowels when